

В минувшее воскресенье Игорь Кириллов, уже не одно десятилетие считающийся в своей области непререкаемым авторитетом, получил первого в жизни бронзового «Орфея» — за личный вклад в развитие отечественного телевидения. В свободное же от посещения «ТЭФИ» время Кириллова можно встретить в «Останкино». Он прохаживается по коридорам телецентра покуривая, а на замечания девиц, что, мол, проделывать это надо в специально отведенных местах, подходит к той или иной юной советнице и целует ее. Захожу, говорит он, еще раз поцелую, причем тут же приводит угрозу в исполнение. Девушки, как вы понимаете, не сопротивляются — Кириллов человек приятный, да и мужа не видят...

Остаться в Малом театре я не смог из-за Никиты Хрущева

— Игорь Леонидович, как же так? В этом году исполняется сорок пять лет вашему счастливому браку, а вы вместо того, чтобы готовиться к юбилею, на барышень заглядываетесь.

— А как иначе? Эти девушки — мои друзья, а я по отношению к ним как бы дедушка. Вообще у меня каких-то «плоских» взаимоотношений на работе никогда не было — даже тогда, когда только пришел сюда и был единственным мужчиной среди четырех женщин-дикторов. Они даже относились ко мне скорее как к подруге: у нас была одна комнатка, и мы там все вместе переодевались. Вернее, девушки что-то там делали, а я сидел, заслонившись от этого зрелища газеткой или листками с текстами. Мы вообще жили практически одной семьей — не только дикторы, но и все остальные. Не понятно, да?

— Не совсем. Учитывая, что вы в то время чувствовали себя неотразимым и когда случайно подслушали разговор двух барышень, одна из которых долго распространялась, как она не любит Кириллова и вообще не может понять, что в нем нашли, чуть не умерли от удивления: как же это так? Неужели я могу кому-то не нравиться?!

— И такое было. Но мы, дети войны, с малых лет всегда дружили с девочками, и даже волейбольная команда наша непобедимая состояла из трех пацанов и двух девочек. Они нас не считали за мальчишек, мы их — за девчонок, а нам в то время было уже лет по 16.

— А как же балкон будущей супруги, за которым вы начали наблюдать лет с одиннадцати?

— Ну и что? Тогдашние наши отношения трудно назвать близкими, скорее — осторожными. Ирина была немного скрытной, замкнутой. Потом, после окончания школы, у нас даже какой-то разрыв был — пару лет, но к 20 годам все это кончилось свадьбой.

— У вас странно похожие судьбы: оба собирались заниматься чем

угодно, но только не тем, что оказалось в результате.

— В какой-то момент нас даже пригласили в один театр — под Душанбе, в закрытый город Ленинск, если не ошибаюсь. Мы, естественно, отказались — поступили более выгодные приглашения: скажем, в Театр на Таганке, где мой отец по молодости лет (в 20—30-х годах) принимал участие в некоторых представлениях.

— У вас это, видимо, наследственное — долго на Таганке не задерживаться. Почему вы, протерпев два года, решились сбежать?

— Понимаете, учась в театральном, я воспитывался в Малом театре, а после него любой другой... как бы это помечче сказать?.. В Малом я студентом был часто занят в массовках, даже эпизоды были — в «Горе от ума», например, выходил в четвертом акте. А в этом же акте величайшие актеры с одной репликой выходили, причем они сидели за сценой и готовились так, будто сейчас не реплика будет, а

монолог Офелии, как минимум.

— И никакой возможности после Щепкинского остаться в Малом не было?

— Нет, в тот год министр культуры издал с подачи Хрущева распоряжение, чтобы всех молодых отправлять в глубинку.

— Выходит, вам еще повезло, что оказались на Таганке, а не в Крыжополе.

— Вот и я так подумал. К тому же я от этого театра жил недалеко. А вот роли... Ну сыграл кое-что, даже несколько раз был занят в «Оптимистической трагедии» — актер заболел. По фактуре-то мой герой был маленьким, а обо мне это сказать трудно. И когда его убивали и за сцену оттащивали, пытаясь это сделать актер вечно ныл шепотом: помогай, я больше не могу! Приходилось помогать ему, как-то изворачиваясь и отталкиваясь ногами. Актер-то я был еще не очень опытный, так что зрители замечали.

А вообще-то театр этот был не мой.

Все время чего-то не хватало. Не было полной загрузки, что ли. Вот если бы с утра была репетиция, маленький перерыв, еще репетиция, вечером спектакль и так каждый день, но нет же. Результат — масса свободного времени, много пришлось думать, страдать, искать чего-то такого...

Конкурс дикторов я выиграл только потому, что меня страшно разозлили

— И тут подошел 1957 год, и вы решили, что неудавшуюся прежде попытку стать режиссером следует повторить, только на этот раз не в кино, а на телевидении?

— Не все так просто. В «Останкино» я пришел со своими сценариями, хотя и получил все это совершенно случайно. Летом того года был приглашен в качестве актера в какую-то семейную игровую передачу, и там меня заметили. А время было такое — не приведи Господи: жить на зарплату, какую получал на Таганке, было просто не реально — всего 690 рублей. Вынужден был даже вести самодельные кружки при каком-то заводе, чтоб хоть что-то зарабатывать — молодая жена работала на ТЭЦ, там тоже копейки платили. Плюс условия были крайне тяжелые: первые пять лет совместной жизни мы вместе с родителями ютились в одной 15-метровой комнате, в квартире без ванной, горячей воды, без вообще каких бы то ни было удобств. Постоянно какие-то конфликты вспыхивали между невесткой и свекровью. Зато в свободное время мы с Ириной ходили по городу, заглядывали в окна и мечтали: вот в этом бы домике нам — хотя бы комнатку, хотя бы восемь метров. Еще безумно хотелось получать тысячу рублей, но лучше тысячу двести — тогда точно можно будет снимать свой угол. Но все эти кружки, которые я вел, — сегодня есть, завтра нет. Или сделаешь спектакль, получишь немного, а дальше что? Мне даже не хочется вспоминать то безумно тяжелое

время неволевого существования. Чувствовал, что делаю что-то не то...

— Желание стать режиссером было отчасти связано с тем, что за эту работу больше платили?

— Но это было не на первом месте — хотелось реализоваться. Я даже на курсы ассистентские хотел идти: в то время для того, чтобы стать ассистентом режиссера, надо было не только выучиться, но и несколько лет проработать по специальности. Это сейчас приходят режиссеры — 20 лет. Да что ты знаешь к этому возрасту? Какой ты режиссер?! Короче, сначала я начал с помощника: выходных не было, следовательно, и халтуры, а платили столько же, как в театре. Хорошо, что жена меня поняла, и так я остался там, где нахожусь по сей день.

— А говорят, вы не смогли уйти с телевидения потому, что во время проведения в Москве в 1957 году Фестиваля молодежи и студентов насмотрелись столько эротики, сколько до того времени мало кому удавалось увидеть...

— Не думаю, что это было решающим. А тогда и правда во время гала-концертов кое-что проскакивало. Например, номер африканских студентов, удивительно красивый, но по тем временам считающийся неприличным: вначале у него «в крови горит огонь желаний», а нее нет, потом наоборот...

— Консенсус им удавалось найти!

— Судя по звуку за сценой, да.

— Игорь Леонидович, до сих пор многие уверены, что вы были первым диктором-мужчиной на советском телевидении.

— До меня был Андрей Хлебников, талантливый артист, который с 1956-го проработал всего год, но потом не поладил с начальством. Сейчас он на радио.

— А можно ли говорить о том, что, если бы не театральное образование, вы никогда бы не стали диктором, потому что просто не выучили бы в ночь перед конкурсом большую часть текстов из «Правды»?

— Наверное. У меня часто спрашивают, помню ли я те дни. Почти все сохранилось, как в тумане. Вы не поверите, но на том конкурсе все, что я выучил, никого не интересовало — даже мое пение под гитару. Я вообще выиграл только потому, что

С супругой Ириной Кириллов живет душа в душу уже 45 лет, а знакомы они с 11...

меня спровоцировал соперник. Он был такой, знаете ли, человек с неестественно поставленным радийным голосом. Мало этого, он еще имел наглость давать советы, считая меня ну просто суперслабым конкурентом. Это разозлило — стрессно. Даже не важно уже было, буду работать диктором или нет, главным было победить. Остальное вы знаете. Инициатива, как говорится, наказуема: никаких видеоматрифофов не было, так что приходилось вести прямые эфиры, скача со студии на студию — от детских и музыкальных передач до новостей. Это было не легко.

— Но и выгодно. Если до вас все пригласенные читать новости дикторы с радио получали за это гонорар, то вы...

— Ха! Гонораров вообще не было, что вы! Я работал только за зарплату, но это такая была работа, что большой радости тогда в жизни просто не было.

Как-то уехал я в командировку в одну из воинских частей — надо было снять репортаж как бы с борта летящего самолета. Нарядили меня в летный костюм, правда, он на размер был мал, посадили в самолет, а солдаты разогнали дымовые шашки и фанерными щитами начали махать — чтобы было ощущение, будто самолет летит в облаках. Даже мой сосед по дому, летчик-испытатель, и то поверил, что все это было действительно над землей. Правда, он мне сказал: «Шесть тысяч метров над землей — разве это высота? Да тыфу! А ты уже мокрый был, да и штаны, наверное, все промочил. Будешь знать — это тебе не бумажки читать...»

— Извините, что с небес на землю приходится возвращаться, но хотелось бы закончить с зарплатой. При таких условиях где вы брали деньги на одежду для эфиров?

— Проблемы с этим были только первые полтора года. Приходилось покупать дешевые румынские пиджаки, а денег особо не было, и выручали, как всегда, родители — если бы не отец-полковник, вообще не знаю, что я тогда делал бы... А потом мне сшили сразу три костюма: один темно-серый, другой черный — для всяких торжественных обстоятельств и спортивный белый — его я ни разу не надел. К тому же раз в два года нам покупали костюмы, но мы их сдавать должны были, а потому держали в костюмерной и нигде в них не выходили...

— Я так понимаю, что и на первые репортажи с Красной площади униформу — валенки и полушубки — вам выдавали казенные. А водку приходилось самим покупать?

— Самим. Но вы поймите правильно — при сильном морозе эти 150 грамм никакого эффекта, кроме обогревательного, не оказывают. А так, конечно, самое страшное — это выпить в эфире.

Когда я зачитывал постановление по Сахарову, мне нужно было самому во все это поверить

— По-моему, до сегодняшнего дня никто, за исключением Юрия Николаева, на тему собственного появления на экране в непотребном состоянии не открывал.

— Помню я тот Юрин выход — это было как раз в день рождения моего сына. По второй программе шел какой-то фильм, и как только он закончился, появилась совершенно пьяная физиономия. Честно говоря, я тогда очень хотел его уволить. Но Юру начали защищать и девочки наши, и шеф «Останкино» Лапин, и тогда мы его не выгнали, а отправили на лечение. Я, конечно, тоже не без греха. Однажды на 8 марта редактор молодежной редакции привез из Армении домашнего вина в простых пол-литровых бутылочках, дал нам с Жильцовою попробовать — сразу две. Мы и попробовали: ну чистый виноградный сок, так почему ж его не выпить, верно? Но вдруг через какое-то время чувствую, что голова как-то поплыла. Выхожу в эфир, тут же звонок: чегой-то у тебя глаза такие? Такой праздник, говорю, вот я и рад за всех женщин, ну просто счастлив. После этого тут же себя взял в руки — из этого состояния можно выйти и без помощи лекарств или всяких там соков лимонных. И для себя понял: больше домашнего вина на работе пить не буду. Из-за этого вообще много проблем бывало. Выпивал кто-нибудь стакан вина, а из-за сильного света юпитеров его развозило. Это сейчас на некоторых программах,

чтобы перебороть волнение, наливают пятьдесят грамм коньяка — тогда такого не было. Мы иногда выставляли совсем немного вина коллегам, но совершенно для другого. В первое время невозможно было увидеть себя на экране. Вот и приглашали хороших людей, а они потом рассказывали — никакого другого способа тогда еще не существовало. А родители меня слишком любили, чтобы сказать обо мне что-то плохое. И только жена резала правду-матку, слышать которую было совершенно необходимо. Сложность в том, что в эфире никогда нельзя играть — если ты будешь неестествен, с экраном это будет очень заметно.

— Но вам-то приходилось играть, да еще как! А так как убедительности вам было не занимать, то и врагов, надо думать, приобретено за это время немало.

— Знаете, в последние год-полтора убедился, что жизнь прожита не зря — я счастлив. А всем недоброжелателям благодарен. Меня сразу предупреждали: быть привлекательным для всех невозможно. Кому-то не будет нравиться мой нос, кому-то подбородок. Я и сам, бывает, взгляну на себя в зеркало и думаю: Боже, ну что за физиономия?! А внутренне я за время работы на телевидении очень сильно поменялся. Терпения стало — ну просто хоть займы давай.

— Я о другом. Вспоминая об актерской игре, я имел в виду скорее те указы партии и правительства, которые читать надо было, но вы понимали, что каждое слово в них — ложь. А характеристики, данные в них конкретным людям, вам, я думаю, были глубоко противны. Естественно, если не вы, то обвинения против Сахарова или Ростроповича прочитал бы кто-то другой, но...

— Это очень трудная тема. Человеку можно верить лишь тогда, когда он сам верит в то, что говорит. И прежде чем настраивать людей против тех же Сахарова или Ростроповича, мне надо было убедить самого себя. А это такие нюансы, о которых говорить очень сложно, легче сделать — мне, во всяком случае. Это целая технология. Как мне объяснить вам, как я убеждал себя, что мы строим социализм?

— Но вы же поверили Хрущеву, что через 20 лет в стране будет коммунизм, и даже решили с женой по этому поводу обзавестись потомством — дабы ребенок жил в хорошее время!

— Еще как верил! Вы даже не пред-

ставляете себе те кадры! О, если бы вы могли их видеть... В тот день была жуткая погода, черные облака, вдруг сквозь них прорывается солнце, луч добирается до Кремля, где идет съезд и Хрущев как раз говорит: «Наше поколение будет жить при коммунизме, вот видите — даже солнце подтверждает мои слова». Позже, конечно, было много разочарований, приходилось убеждать себя — одно время это было моей главной задачей.

— А правда ли, что иногда, читая тот или иной неудовольнительный текст, вам приходилось говорить себе, что это, допустим, я Чехова цитирую?

— Может, и было что-то такое, но вообще-то если сейчас начать объяснять мои приемы работы, саму технологию, а потом разбирать ее, читателям может показаться, что я не совсем психически здоровый человек. Для меня работа — это все. Я даже когда на радио сейчас иду — там по субботам веду 30-минутную передачу,

Если сейчас объяснить мои приемы работы, вам может показаться, что я не совсем психически нормален

текст не сложный, а все равно руки холодные, мокрые, — волнуясь до сих пор. Помню, как мы с женой приняли решение оставить режиссуру, потому как действительно никаких данных для этого у меня нет, и терпения нет, и еще много чего... Но сегодня нисколько не жалею обо всем, что случилось. Даже о том, что с помощью фантазии, самовнушения можно настроить себя так, чтобы быть убедительным даже тогда, когда знаешь, что говоришь заведомую чушь.

— Значит, можно сказать, что вы — первый и главный йог на советском телевидении!

— А может, другие так же делают? Просто они умней меня и потому молчат. Но я тоже до последнего времени держался — «Собеседнику» первому рассказываю.

— Правда ли, что одно время вы все же хотели уйти с ТВ, но потом подумали и решили, что ничего дру-

гого, чем так же успешно можно заработать на жизнь, делать не умеете!

— У меня был конфликт с директором — тогда это так называлось — телевидения. А потом мы помирились. Но дальше радио я все равно убежать не собирался.

— Разве что в сторону съемочной площадки.

— То, что меня в «Девичьей весне» сняли в роли самого себя, случайно получилось. К тому же потом был запрет на подобную работу: считалось, таким образом можно запросто разрушить имидж и что потом вообще актеру никто не поверит, когда он начнет читать что-то важное в том же «Времени».

Вручив на «ТЭФИ» статуэтку, мне подложили большую свинью

— Если не ошибаюсь, ваша супруга проработала звукоорежиссером 33 года, и не совсем понятно, почему вы попросили ее «просто уйти» и остаться на пенсии!

— У нее уже и возраст достаточный, и здоровье тоже не ахти какое — перенесла несколько тяжелых операций, так что я сделал все правильно.

— Почему она не уезжает в Германию к дочке, которая там уже несколько лет вместе с русским мужем в оперном театре трудится?

— Боже упаси! Я и сам только два раза у дочки был, больше десяти дней не выдерживал, а как там жить — вообще не представляю. И дочка очень тяжело переносила первое время, только сейчас более-менее привыкла. Но у нее-то было безвыходное положение — здесь работы не было никакой, а там она есть, и по профилю. А возвращаться сюда... Она ведь после окончания консерватории работала в суворовском училище преподавателем музыки, но вы можете представить, сколько она там получала.

Вот и у меня сейчас: даже «Телескоп» видовский пропал — снова денег не хватает, даже мобильный телефон, подаренный осенью сыном, пришлось сдать — больше ста

лишних долларов в месяц на обслуживание взять почти негде.

— А в принципе был день, когда вы чувствовали себя по-настоящему богатым человеком?

— Никогда такого не было, но вам это не понять. Сейчас молодые, если им предлагают работу, сразу спрашивают: что мы с этого будем иметь? А в наше время главным было с работой справиться.

— Но нельзя же сказать, что вы были против Государственной премии, полученной программой «Время» в 1977 году! Тогда еще, помнится, все тринадцать награжденных вынуждены были скинуться по 200 рублей из собственного кармана, дабы добавить денег на банкет в гостинице «Украина».

— Слишком много было желающих туда попасть. А что удивительного? Это был самый пик программы, а на те пять тысяч рублей, которые дали на всех, не очень-то и разгуляешься. Не забывайте, что, например, сорок процентов суммы автоматически шло первому в списке, а им был отнюдь не я... Это все, конечно, тоже было важно, но нас тогда радовало совсем другое: все-таки сразу 13 человек наградили.

— А «ТЭФИ-98», если сравнить ее с этой наградой, для вас действительно мало что значит? Кстати, в прошлом году премия за личный вклад в развитие отечественного ТВ была присуждена крестному отцу вашей супруги — Николаю Озерову.

— Сами видите — старикам дают, которые уходят из жизни. Может, я еще и проживу. Другого боюсь: после любой радости в моей жизни обязательно следует спад, неприятности... И вообще к премии очень настороженно отношусь. Во-первых, моя доля там очень мала. Во-вторых, теперь я должен работать лучше, чем до сих пор, но как мне это сделать, если в последнее время больше стараюсь себя убедить, что во мне нуждаются, нежели это есть на самом деле?

— Выходит, вручившие премию подложили вам большую свинью!

— Может быть. Если бы у меня была сейчас работа более видная, более ответственная, чем есть, все бы сделал для того, чтобы выложиться и показать в ближайшие годы, что я достоин награды. А так, жить на дивиденды с прошлых лет — это недостойно.

— Я так понимаю, если вы раньше из тяжелых положений выходили, то и сейчас выкрутитесь.

— Не знаю, но хотелось бы, чтобы так и было.

Кирилл ЛИТМАНОВ.

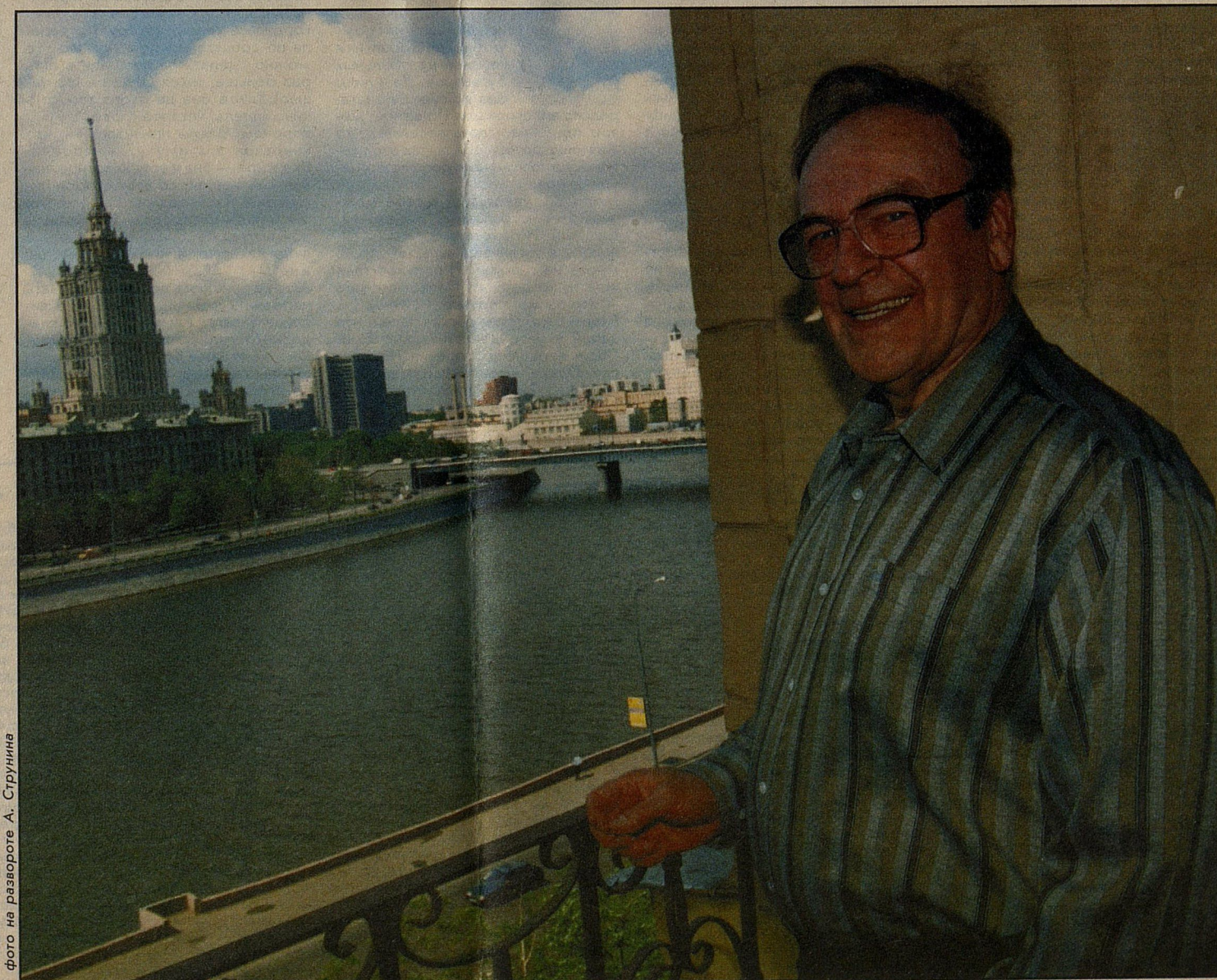

Фото на развороте А. Струнина